

Елена Степаненко

Я ПОМНЮ

18+

Елена Степаненко

Я помню

«Автор»

2026

Степаненко Е.

Я помню / Е. Степаненко — «Автор», 2026

Это цикл рассказов от лица женщин разного возраста. Эпизоды, определившие всю их дальнейшую жизнь, или же, напротив, глубоко упрятанные из-за стыда и обиды, но при определённых обстоятельствах извлекаемые услужливой памятью. В любом случае эти рассказы, девочки, для вас, горячо любимые. Ибо всё, что я последние годы делаю от души, — это для вас: мои литературные опыты и художественные работы. Всё это только, чтобы поднять вам настроение, отвлечь от ежедневной рутины и хоть чем-то порадовать.

© Степаненко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я помню	6
Я помню. Дубль два	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Степаненко

Я помню

Это цикл рассказов от лица женщин разного возраста. Эпизоды, определившие всю их дальнейшую жизнь, или же, напротив, глубоко упрятанные из-за стыда и обиды, но при определённых обстоятельствах извлекаемые услужливой памятью. В любом случае эти рассказы, девочки, для вас, горячо любимые. Ибо всё, что я последние годы делаю от души, — это для вас: мои литературные опыты и художественные работы в виде расписанных дамских сумочек, кошельков, тарелок и джинсовок. Всё это только чтобы поднять вам настроение, отвлечь от ежедневной рутины и хоть чем-то порадовать.

Я помню

Этот таксист сделал мой сегодняшний день. Я покосилась на крупные мужские руки, сжимающие оплетку руля, и на красивый профиль человека, так рассмешившего меня и поднявшего мою самооценку впервые за последний десяток лет.

Я вызвала такси через интернет-приложение. Помариновалась на южном солнышке десять минут и запрыгнула в прохладный салон белоснежной CHERY вместе с моими объемными сумками. И началось... Уже через минуту водитель резко дал по тормозам и ударил ладонями по рулю:

— Да что ж ты будешь делать! Куда тебя несет? – и разразился смачной нецензурной тирадой в адрес синей Тойоты, подрезавшей нас при выезде со стоянки торгового центра. Затем взглянул на меня исподлобья: «Простите. Сегодня день такой, только успеваю уворачиваться».

— Девушка за рулем, – заметила я. Точно, это обстоятельство могло объяснить ситуацию в корне – девушки непредсказуемы.

Водитель что-то пробурчал себе под нос, но через пять минут ситуация на дороге повторилась. Только теперь нам на перекрестке дорогу перегородила жемчужная иномарка, представьте себе, опять с блондинкой на водительском месте.

— Ну куда ты, куда? Не видишь, что машины стоят. Какого рожна ты мне дорогу перекрыла? – начал мужчина, словно девушка могла его услышать.

Блондинка покрутила головой на наш сигнал, убедившись, что спереди и сзади её зажали другие машины, махнула нам рукой и отвернулась, чем снова вызвала поток нецензурщины у таксиста – за что он уже и извиняться не стал. Понимая, что мой водитель заведен до предела, я попыталась разрядить обстановку:

— Вы поосторожнее: женщины ведь и проклясть могут.

— На меня не подействует – я на ведьме женился. Нужно заканчивать работу, сегодня с самого утра такая кутерьма, добром этот день не закончится!

— Правильно, лучше домой. Своя ведьма все равно роднее!

И мы дружно рассмеялись. И потом еще долго улыбались друг другу, прокручивая в голове наш разговор. Я была довольна, что смогла поправить настроение моего водителя.

— Пять заказов, надо отдохнуть, кофейку попить, – озвучил свои мысли мужчина и внезапно обратился ко мне: – Не спешите, составите мне компанию?

— А как же домашняя ведьма? Она же ждет своего «мустангера».

— С этой ведьмой я еще год назад развелся. Так что, по чашечке кофе?

— Не могу, я не в разводе, но хороший кофе порекомендую не далеко от моего дома в кафетерии «Яблонька».

— Гонишь, мужчина недоверчиво уставился на меня и перешел на «Ты». Ты не можешь быть замужем. Слишком ухоженная: макияж, модная стрижка и ногти в порядке. Так за собой следят только свободные женщины.

— Станный вывод.

И я вспомнила, как сама выбирала себе мужа, соблазняла, добивалась. Ведь это был лучший из мужчин посланный мне судьбой. И упустить его я не могла.

Про Давида мне все уши прожужжала Зойка: то, что он из приличной еврейской семьи; то, что учится на последнем курсе медицинского института, очень умный и уже пишет диссертацию, а вопрос о его поступлении в аспирантуру уже решён; ещё – что занимается борьбой и волейболом и вообще невероятный красавчик; и ещё, что родители решили их поженить. Давид пригласил Зойку в кино, чтобы наконец-то познакомиться. Но идти одна она очень боится, так как стеснительная по природе и не пред-

ставляет, о чем говорить со своим женихом. Я взглянула на Зойку с жалостью. Да ты не только дурнушка, но еще и глупышка. Кто же берет на встречу к своему жениху красивую подружку? Но Зойка умоляла меня:

— Лерочка, пожалуйста, очень прошу выручи меня! Он такой взрослый, я его боюсь!

— Но Макара ведь ты не боишься, лопочешь с ним без остановки. И тут найдешь, о чем поговорить.

— Макар свой родной, я его с детства знаю. Он на меня как на принцессу смотрит и никогда не обидит. А этот плечи в-оо...— Зойка развела руки в стороны. — Ладони огромные и... — тут она понизила голос до шепота. — У него грудь волосатая. — Передернула плечами. — Бррр...

— Скажи лучше, Макарку люблю и не хочу замуж за распрекрасного Давида.

Зойка горько вздохнула:

— Кто же единственную дочь ювелира Циммермана отдаст замуж за русского парня, сына шофера и швеи? Тут без вариантов.

— Ладно, пойду я с вами в кино. Хочется посмотреть на твоего хваленого жениха.

Увидела я Давида, и сердце моё подскочило, ударилось о ребра и в пятки укатилось. И по каким же лекалам боженька таких красавчиков лепит? Смуглый, рослый, с пышной кудрявой шевелюрой и белозубой улыбкой. Глаза – чёрные бездонные колодецы, ресницы пушистые и длинные – почти до бровей, и при каждом их взмахе моё бедное сердечко пропускало удар.

Напрасно Зойка боялась, что не о чем будет с Давидом разговаривать. Он и десяток бы женщин разговорил. Мы шли и болтали о медицине, о спорте, о последнем конкурсе красоты прошедшем в городе, о модных диетах, о новых открытиях в астрономии. Не было такой темы, в которой бы Давид не разбирался. Он сыпал цифрами и датами, а я лишь изумлялась, как можно всё это держать в голове. Зойка в основном молчала, а я... Ну что я. Это ведь не мой жених. Что мне перед ним робеть? Я болтала, стараясь блеснуть своими знаниями. Зря я что ли с золотой медалью школу закончила? Есть и в моей коробушке серое вещество. Давид вел себя примерно, со стороны даже не понять, кто его невеста. Мороженое обеим купил, за локоток каждую на ступеньках поддержал и дверь при входе в кинотеатр открыл. А вот когда свет в зрительном зале погасили, я зажмурила глаза и осознала, что влюбилась в Давида окончательно и бесповоротно. А осознав это, решила, что буду дурой последней, если такого парня отдам невлюбленной в него подруге. И с этой осознанной истиной я смело положила руку на колено Давида. Парень вздрогнул, но не сбросил её. Наоборот, накрыл своей ладонью и к концу фильма так потихоньку, ненавязчиво, сантиметр за сантиметром передвинул мою руку к себе между ног, где в кромешной темноте, но тем не менее у меня на глазах, крепло и росло его мужское достоинство.

Нужно ли говорить, что после фильма Давид провозжал меня, и следующее свидание назначил мне, и встречаться с того вечера стал со мной, напроць забыв о своей невесте.

— Станный вывод. А я всегда считала, что ухоженность женщины напрямую зависит от достатка в семье. Если детям не нужно платить ипотеку, есть деньги на няню, если дочь может не работать и сама заниматься детьми, не скидывая внуков на бабушку, то и немолодая женщина, не замученная заботами, может посещать тренажёрные залы, одеваться в модных бутиках и следить за собой.

Тут CHERY подрулила на стоянку к Яблоньке», а совсем не к моему дому. Водитель заглушил мотор, взял меня за руку и пытливым взглядом заглянул в глаза:

— Ну что, идем?

— Для чего?

— Хочу предложить тебе долгие и приятные отношения.

Я рассмеялась:

— Неожиданно! – в голове закрутилось: «Что за подстава? Что за проверка на вшивость? Может это мой благоверный Давид подсуетился и подкинул мне проплаченного лове- ласа. Обвинит меня в измене и со спокойной совестью уйдет жить в другую семью. Хотя зачем так сложно? Хотел бы – давно ушел бы, там уже сыну девять лет».

Об измене Давида я узнала около года назад. Если бы это случилось раньше, когда я была молодой и дерзкой, я бы измены не простила. С полной пролетарской ненавистью кастрировала бы «благоверного», и бабе бы его досталось по полной. Уж очень я себя любила. Считала, что эффективнее и сногшибательнее меня на всём белом свете быть не может. Уничтожила бы любую, кто осмелился бы тягаться со мной за сердце люби- мого мужчины. Но Давид был примерным мужем, и усомниться в его любви ко мне не было повода. Он на меня голоса никогда не повысил, называл ласкательно «Лерочкой», «Заюшкой», «Звёздочкой», а когда я ходила беременной – «Пушиночкой» и «Вкусняшкой». Цветы и подарки дарил без повода – когда ему платили за рационализаторские предло- жения и научные усовершенствования. Уезжали в отпуск – он сам чемоданы собирал и знал, какое моё любимое платье нужно взять. В выходные готовил завтраки и вместе с утренними поцелуями подавал мне кофе в постель. А когда узнала о его длительной измене, мне было уже не до скандалов. Я в ту пору лежала в больнице. И настолько мне паршиво было между процедурами химиотерапии, что с жизнью я прощалась по несколько раз за день. И, пожалуй, если бы не поддержка Давида в тот момент, я бы не выжила. Это он часами сидел у моей кровати, держа меня за руку, и молил: «Лерочка, родная моя, борись! Ты должна жить для меня, для наших девочек, для наших внуков. У нас все будет хорошо, только живи!»

— Неожиданно. Я таких предложений уже давно не жду. Вы ещё молодой мужчина, поэтому и женщина вам нужна соответствующая – такая, чтобы могла родить вам детей.

— Актись! - мужчина даже руками всплеснул. – Хватит, я уже своих детей вырастил. Младшему сыну двадцать лет. Ещё раз я «отцовское счастье» не выдержу. Наконец хочу для себя пожить. Вот чтобы без лишних обязательств. Каждая встреча как праздник, каждое сви- дание – событие. Хочу деньги, которые зарабатываю, на ветер пускать. Всю жизнь на что-то копил, собирал, себе во всём отказывал – и всё равно был всем должен и везде виноват. Отбо- лело. Всё, теперь я живу по-новому.

— Мне позиция ваша понятна – по-своему вы правы. Только я с вами вашу теорию осу- ществить не могу. Мне есть что в этой жизни терять. Создавать трудно, сохранить тяжело, а потерять легко. – И я опять задумалась.

После той первой встречи с Давидом, когда я так бессовестно увела его у своей подруги, встала передо мной трудная задача: как же теперь выкрулить? Как показать Давиду, что я девушка смелая, но не падшая? Ох и пришлось мне змейй покрутиться на нашем первом свидании. Давид после того, как позволил мне подержаться за своего «богатыря» пришёл на свидание с полной решимостью разложить меня на ближайшей скамеечке прямо в парке, куда он меня пригласил. Он молчал и с удивлением тарачил на меня глаза, когда я раз за разом отклонялась от его поцелуев и ускользала из его объ- ятий. При этом я купала его в словесном бассейне собранном из стихов Есенина, Брод- ского, Фета, моих наивных размышлений и умозаключений. Когда моя игра порядком надоела Давиду, он крепко ухватил меня за руку и притянул к себе:

— *Не понял, что случилось? Почему ты бегаешь от меня? – решил спросить меня в лоб. – Я надеялся получить свою порцию ласки на этом свидании.*

— *Где? Здесь? – я в ужасе подняла брови. – Ароматические свечи, хрустящие простыни и я, быть может, подумала бы. Давид, элегантному мужчине плебейские замашки не к лицу – и я укоризненно покачала головой.*

— *Хорошо, будут тебе простыни, – и Давид завершил наше свидание, взяв меня за локоть и направляясь из парка.*

— Хорошо, может, вы правда замужем. Только, думаю, ваша семейная идиллия не пострадает, если вы посидите со мной в кафе. Я сменю обстановку и немного отдохну в компании с понравившейся мне женщиной. Ну что вам стоит? – и состроил потешный жалобный взгляд.

— Ах, чертяка, уговорил! – взмахнула я рукой. А сама из салона не выхожу, смотрю, как водитель оббегает машину, открывает дверь с моей стороны и протягивает руку. «Мучайся, если уж пригласил», – думаю, а сама представить не могу, что ему могло во мне понравиться? Ну да, моложава не по возрасту, худая. Нет у меня живота и лишних складок на боках, но все равно возраст бабушки не спрячешь. А он, кажется, лет на десять меня младше.

В кафе за мной ухаживает. Стул отодвинул, кофе с пирожным принес и представился:

— Меня Владимиром зовут.

— Угу – киваю. – А меня Валерией Александровной. Давайте, Владимир, развлекайте даму. Как так в жизни случилось, что вам приятному во всех отношениях мужчине, не с кем между заказами отдохнуть?

— Ну вот, вы, Валерия, могли бы простить своему любимому мужу небольшую интрижку во имя двадцатилетнего счастливого брака?

— Уже простила.

— Видите, я сразу разглядел в вас мудрую женщину. Я по хорошему завидую вашему мужу. А моя змеюка всю жизнь кровь из меня пила и при первом же испытании на прочность свинтила, прибрав все наши многолетние накопления.

Владимир еще долго жаловался на бывшую жену и на неудачный брак, подаривший ему двух сыновей. Я кивала, попивая кофе и вспоминая своё второе свидание с Давидом.

Давид пригласил меня в ресторан при фешенебельной гостинице «Европейская».

— *Ты хотела хрустящие простыни, я снял номер наверху. Мы не успели толком даже поздороваться, как он сообщил эту новость. Придвинул стул к моим бедрам и усадил меня за стол. Устрицы и креветки с грустью взирали на меня из плоских тарелок. Кому же, как не им, было понять тот чудовищный холодок, который пробежал между лопатками жертвы в минуту осознания своей неминуемой кончины. Но я безропотной креветкой быть не собиралась. И мозги мне были от природы даны не для того, чтобы я не понимала: два свидания – это слишком мало, чтобы женить на себе вот такого идеального мужчину из еврейской профессорской семьи.*

— *Думай, Лерусик, думай, – командовала я себе, не уставая при этом кивать и улыбаться болтовне Давида.*

Давид не болтал, а скорее проповедовал. Вот это слово гораздо точнее подходит к тому, что он излагал, после того, как я неосторожно спросила о теме его диссертации. Он прямо завёлся и увлечённо, с горящими глазами, жестикулируя выдавал мне свой монолог, из которого до меня доходили лишь отдельные умные фразы: *таргетная терапия, базалиома, персонализированное лечение, пластырь от меланомы. Я даже не пыталась его понять – мозги были заняты другим животрепещущим вопросом. Из всего им сказанного только слово «пластырь» не привело меня к унынию. Зойка права – он*

слишком взрослый и умный. Куда мне, девочке, недавно окончившей школу, хотя и успешней поступить на филологический факультет университета, тягаться с таким парнем? Он враз расколет все мои хитросплетённые авантюры. Я решилась попробовать устрицу: полила её соком лимона и маленькой трёхзубой вилочкой отправила в рот. Какая гадость! Вместе с приступом тошноты ко мне пришло и спасительное решение. Я сделала два рваных больших вдоха, замахала кистями рук:

— Ой, мне плохо, плохо! – и, зажав рот салфеткой, выбежала из зала. Давид, чертыхаясь, ринулся за мной. – Мне нужно на воздух, – указала Давиду на выход из гостиницы и устремилась туда. Сбежать от мужчины я не собиралась, поэтому присела прямо на ступеньках лестницы при входе, решив дождаться, пока мой «еврейский зануда» расплатится за стол и прочувствует все нюансы моего актёрского таланта в этой комедии.

Гостиница «Европейская» располагалась по центру набережной и своим фасадом смотрела на великую реку Волгу. На Волгу смотрела и я, любясь яркими огнями экскурсионных теплоходов, проходящих мимо. Не мог пригласить меня на ночную прогулку по реке? Номер он снял. Обломись похотливый кобель!

— Ну как, тебе лучше? – заботливо спросил Давид, подходя ко мне.

— Ммм, нет, не знаю, – протянула ему руку, предлагая помочь мне подняться со ступеньки. – Пойдём к реке, – ещё несколько раз судорожно вздохнула. – Возможно, аллергия. Что за гадость эти устрицы? – недовольно посмотрела на Давида. – Ну же, давай, оправдывайся.

Парень грустно вздыхает и бросает взгляд на окна гостиничных номеров, но включается в игру и подает мне руку:

— Вряд ли это на устрицы, такой быстрой реакции не бывает.

— Тогда что же это было? Я что, по-твоему, прикидываюсь? – изображаю предельное возмущение.

— Скорее псевдоаллергическая реакция, либо просто симуляция, – и опять вздыхает, глядя на окна верхних этажей.

«Вот же чёрт, как с ним непросто», – думаю я и тащу его за руку по набережной, пытаюсь увести подальше от опасного места.

Чем дальше мы отходим, тем моё настроение улучшается. Я уже весело смеюсь над шутками и парирую его выпады. Только Давид уж очень медленно передвигается, видимо, ещё не попрощался с мыслью затащить меня в гостиничный номер. Чем бы его отвлечь? Идея приходит спонтанно. Я вскакиваю на парапет, отделяющий бетонную дорожку набережной от чёрной стремительной реки, бежущей внизу. Распахиваю руки и кричу что есть мочи:

— Жизнь прекрасна и удивительна!

А за своей спиной слышу испуганный рев Давида:

— Стой, упадешь! Сумасшедшая!

Краем глаза отмечаю, что парень тянет ко мне свои руки.

— Ну, ты же меня понимаешь? – зажмуриваю глаза и не сгибаясь как есть во весь рост падаю спиной на его руки. Страшно очень. Даже когда Давид ловит меня и прижимает к себе, я не открываю глаз. Даже когда целует в губы жарким долгим поцелуем, я не могу вернуть своё сердце на место – оно упрямо бьётся где-то возле горла. Лишь через минуту я судорожно вздыхаю, открываю глаза и смотрю в глаза Давида. Они вот здесь рядом в нескольких сантиметрах. Так непостижимо красивы. В них отражаются звезды и ночные огни, в них светится восторг и неподдельный испуг. Решаю добавить страха:

— Бросишь меня, заберусь на самую высокую скалу и сорвусь вниз.

Но Давид лишь смеётся:

— Зачем?

— Чтобы приходиться к тебе во снах и упрекать в том, что не любил меня.

— Сумасбродка! – он опять хохочет и вдруг серьёзно спрашивает: – Поедешь со мной завтра на дачу к моему другу?

— Поеду.

Давид успокаивается, видимо, процесс моего совращения переносится на следующий день, и дальнейшая прогулка проходит в спокойной обстановке.

— Утомил я вас? Вот ведь как. Хотел с веселой женщиной расслабиться, а получилось и на вас тоску навел. Видимо, ещё не отболело. Рано мне новые отношения заводить.

— А старые поправить не получится? Пробовали?

— Не пробовал. Я свою жену хорошо знаю – не простит. Я эту ведьму из реки выудил. Владимир на секунду задумался, потом перевел на меня взгляд:

— Знаете такую реку – Белая в Адыгее? На ней рафтинг проходит. Это когда на плотках по реке сплавляются. Вот с такого плота моя «благоверная» в реку и упала, а я её выловил. Смотрю на неё – молодая, мокрая, замёрзла, трясётся вся, говорить не может, только ртом воздух хватает, – и красивая до умопомрачения. Так сразу и решил, что я её для себя спас. И ничего меня в тот момент не интересовало: ни то, что она другого любила, ни то, что с ним в этот поход отправилась. Он потерял, а я нашел. Нужно лучше за своей женщиной смотреть. А когда развелись, она мне и выдала, что всю свою жизнь другого любила.

— Может, она с горяча. Вряд ли двадцать лет бы с вами жила и детей рожала, а сама о другом мечтала.

— Вы думаете, стоит попробовать?

— Несомненно!

— А я её на рафтинг позову. Скажу: хочу вернуть туда, откуда взял, иначе мне от неё не избавиться. – Мужчина рассмеялся и подмигнул мне.

А мне упоминание о сплаве по реке напомнило нашу поездку на дачу друга Давида.

Там тоже была река, купание и катание на лодке. А ещё был пленительно красивый Давид, подкатывающий ко мне со своим непристойным предложением при каждом удобном моменте. Моментов таких хватало, так как поездка на дачу к другу в итоге оказалась поездкой на дачу без друга. На отдыхе мы были одни.

После очередной неудачной атаки Давид растянулся на скамейке в тени грецкого ореха. Он хмурился, молчал, покусывая длинную травинку, и бросал на меня осуждающие взгляды:

— Лера, скажи, ты что, боишься меня?

— Конечно, боюсь.

— Почему? Разве я груб с тобой?

— Ты большой и непонятный. Я не знаю, что от тебя ожидать. Но не принимай только на свой счет. Я боялась бы в любом случае. Первый раз всегда страшно.

— Так ты что, девственница? А зачем меня в заблуждение ввела? – не было предела его возмущению.

— Просто ты мне очень понравился. Я не могла допустить, чтобы ты женился на другой.

Давид громко вздохнул, видимо решая, что же со мной делать, и жалея, что я не оказалась опытной путаной. Но с тех пор всё в наших отношениях стало по-человечески: цветочки, конфетки, стихи под луну, гулянья, взявшись за руки. Давид больше не давил на меня, нежно и терпеливо ухаживал и через два месяца сделал предложение,

подарив кольцо с маленьким бриллиантом, купленное у ювелира Циммермана. И первая близость была, как водится у порядочных людей, в первую брачную ночь.

Владимир подвез меня к моему подъезду. Я покосилась на крупные мужские руки сжимающие оплетку руля и на красивый профиль человека поднявшего мою самооценку впервые за последние годы. Приятно думать, что ты еще можешь кому-то нравиться просто как женщина. Когда на носу шестидесятилетие перестаешь ощущать себя красивой и желанной, хотя по инерции продолжаешь заботиться о своей внешности, конечно когда не подводит здоровье.

— Хорошего вам дня и меньше встреч с ведьмочками на колёсах.

Мы улыбнулись друг другу на прощанье.

— Какой номер вашей квартиры?

— Шестьдесят два, а для чего вам?

— Если с женой померюсь – пришлю вам цветы, если нет – зайду в гости.

— Что ж, дерзайте! Я вышла из машины и перед тем, как войти в подъезд, ещё раз махнула рукой Владимиру.

Через месяц в мою дверь позвонили. На пороге стоял посыльный с большим букетом садовых ромашек.

Конец.

Я помню. Дубль два

Вот это меня пригвоздило. Нейлером сработало: резко, со свистом в ушах, чуть ниже сердца – прямо в бетонную стену. Господи... Больно-то как! Мой муж и единственная подруга... В мой сорокалетний день рождения... За что так безжалостно? Ну да, я сама нацепила розовые очки: «ничего не хочу знать», «я живу в своём счастливом мире». Просто действительность проникла через мои плюшевые барьеры – от жизни не убежишь. За все годы замужества я никогда не была уверена в Женьке – всё время ждала подвоха. Уж слишком много возле него крутилось поклонниц: наглых, пожирающих его глазами, сующих записки с телефонами и без стеснения вешающихся ему на шею. Женьке это было нужно, он поощрял всех этих девиц, целовал в губы, шлепал по задницам. Всё это происходило на моих глазах. Переделать Женьку было не возможно. Поэтому я слепила маску ничего не замечающей жены. Вся эта грязь реальная и показная мешала мне искренне любить мужа. Должна признаться, все эти годы я просто позволяла ему любить себя. Тогда почему так больно? То, что Тамара оказалась такой змеей? Я относилась к ней как сестре. Доверяла полностью. Она дневала и ночевала в моём доме. Ночевала... Вот где собака порылась!

Тамара появилась в нашей жизни четыре года назад и, несмотря на наши близкие отношения, так и не рассказала об отце её ребёнка. А оказалось, она просто вползла в нашу семью с целью увести у меня мужа. И вот через четыре года, в свой сороковой день рождения, я узнаю, что Ромка – сын Тамары от моего мужа. И Женька, побросав майки и джинсы в большую спортивную сумку, привычным жестом потрепав меня за левую щеку и поцеловав в правую, ушёл в новую семью. Я задумалась – могла бы моя жизнь сложиться иначе? А если бы я выбрала Костю, а не Женьку? Удалось бы мне избежать этой жуткой зудящей боли? А были ли у меня ещё варианты построить свою жизнь по-другому?

Я была юной, самонадеянной и чертовски красивой. Такой красивой, что каждое проявление внимания к себе считала само собой разумеющимся, такой самонадеянной, что была уверена: ни у кого даже мысли не может возникнуть навредить мне. С таким отношением к жизни и осознанием собственной значимости я и потащила на ночь глядя в Мячково. Когда я заходила в метро, до ночи было далеко, но пока добралась до станции «Котельники», затем – маршруткой до «Аэропорта Мячково», а потом ещё и пешком мимо здания картинг-центра к нужному мне боксу, – стало вечереть. Зачем я туда поехала? Присядьте, иначе можете упасть и не подняться, испытывая шок от тупости восемнадцатилетней девицы. Я поехала с целью найти работу, так как на моём резюме, размещённом на сайте, откликнулся только один работодатель – некий Максим Переверзев. Не просто откликнулся, а побеседовал онлайн, задал несколько вопросов о стаже работы, устройстве гоночного болида, нюансах обслуживания машины после гонки, затем сообщил, что я принята, и перекинул мне на карту триста тысяч. А потом исчез, оставив меня в полной уверенности, что при перечислении выпрошенного мною аванса ошибочно прописал лишний нолик. Я так измучилась от неизвестности, так исстрадалась от желания скорее приступить к работе, что решилась на этот безумный шаг – познакомиться с Переверзевым и вернуть ему деньги. На страничке Максима, среди его фотографий – с парнями в гоночной экипировке, с многочисленными поклонниками и поклонницами, – я вычислила номер часто повторяющегося бокса и наметила цель своей поездки. Я привыкла возвращаться в мужских компаниях. Мой отец был гоночным механиком, старший брат – гонщиком драгстера, и я всё свободное время проводила возле треков и в боксах, где обслуживались машины. Но когда я открыла дверь нужного мне помещения и ощутила на себе прожигающие пьяные мужские взгляды –

колени мои дрогнули. Пятеро парней сидели за импровизированным столом из автомобильных покрышек, закрытых листом фанеры. На столе стояла выпивка и нехитрая закуска.

— Я ищу Максима Переверзева. Не подскажите, где он? Это ведь вы? Мне нужно вернуть вам деньги, – обратилась я к самому высокому парню.

В боксе повисла гробовая тишина. Только мужские взгляды ощупывали мою фигуру. Переверзев судорожно вздохнул, а навстречу мне поднялся другой парень, внешность которого показалась знакомой:

— Ты насчет работы? Пойдем посмотрим тебя в деле. – Он довольно грубо взял меня за плечо, толкнул внутрь бокса и кивком головы указал на огненно-красный болид с открытым капотом: – Вот, свечи поменяй в этой крошке.

Я сняла клемму с аккумулятора, покачивая из стороны в сторону, аккуратно вытянула кончики свечей, ключом выкрутила первую, затем извлекла вторую и в недоумении уставилась на парня: – Зачем их менять? Свечи в норме, живые.

— Ты аванс приехала отработать? Поменяй я сказал.

К нам подошли другие мужчины, обступив нас плотным кольцом, и стали наблюдать за моей работой. За полчаса я поменяла все шесть свечей. Переверзев отодвинул меня в сторону, проверил ключом затяжку и удовлетворенно кивнул:

— Ну что, Воробей, девочка справилась. Можешь брать её помощником.

«Воробей? Точно, это же Женька Воробьев. А я думаю, откуда я его знаю? В прошлом году мы с братом болели за него в кольцевых гонках, тогда он выиграл кубок» – проносилось в моей голове.

Воробей криво усмехнулся:

— Пойдем отвезу тебя домой, заодно о деньгах поговорим.

Ну а когда я оказалась в его новенькой иномарке, он разразился площадной бранью:

— Тебя как зовут?

— Я Мила.

— Что же ты, Мила, такая дура? Ты куда приперлась среди ночи? Приключений захотелось?

— Вообще-то, я работу ищу.

— Какую, на хрен, работу? Ты найдешь себе работу, после которой неделю сидеть не сможешь. Тебя бы сейчас вмятером в этом боксе отымали. Ты мне благодарна должна быть, что выдернул тебя оттуда.

Я притихла. Отец растил нас с братом один, без мамы. День и ночь он втолковывал мне про самостоятельность, про хорошую профессию, про то, что у меня всегда будет кусок хлеба, заработанный своими руками, – и что это даст мне свободу и независимость от мужиков и их денег. Но вот об опасностях в общении с незнакомцами он мне не рассказывал. Наоборот, выросшая среди мужчин, привыкшая к их вниманию и незримо находящаяся под защитой отца и брата, я никогда не чувствовала угрозы. Сейчас Воробей преподавал мне урок, который, по сути, должна была в своё время растолковывать моя покойная мама. Но мамы не было, время было упущено. А злой и бранящийся Женька Воробьев вознамерился поучить меня уму-разуму. Он съехал с дороги на обочину, одним движением опрокинул спинку моего кресла и навалился на меня всем своим огромным телом. Возможности вырваться у меня не было. В тесном автомобильном салоне, вдавленная в сиденье тяжёлым и сильным мужчиной, я могла только молить о пощаде:

— Я поняла, поняла. Не надо меня трогать. Мне не нужны приключения. Я просто дура. Я девственница. У меня и мужиков-то никогда не было. Пожалуйста не надо.

Возможно, и была сила, способная в тот момент остановить Воробьева, но точно не у меня. Ни мои мольбы, ни слезы на него не действовали. Он сорвал с меня одежду, коленом раздвинул мои ноги и вошел резко без всяких прелюдий. А ещё через несколько минут, достав из вещевого ящика влажные салфетки, попытался оттереть кровь с моих бедер. Я лежала, свернувшись в позу эмбриона, и горько рыдала, закрыв лицо ладонями.

— Ладно тебе, нашла из-за чего убиваться, – примирительно проговорил он, подумав, целку потеряла. Одевайся, скоро в город въедем, и как ни в чем не бывало вывел машину на дорогу.

Женька привез меня к съёмной квартире по названному мною адресу. Придержал за руку, когда пыталась выйти из салона:

— Не обижайся. Хорошо?

— Зачем ты это сделал? Я ведь предупредила, что девственница.

— А что, это должно было меня остановить? – искренне удивился он. – Те деньги я тебе перевел. Будем считать, что отработала.

Я рано осталась без матери. А в семнадцать лет вообще осталась круглой сиротой. Мой горячо любимый брат – двадцатилетний красавец, разбился во время уличной гонки, колесо его автомобиля взорвалось, не выдержав огромной скорости. Отец, прививший нам с братом любовь к технике, состязаниям и скорости, не выдержал угрызений совести и покончил с собой. Так что мне в той жизни к потерям не привыкать. Переживу предательство мужа и единственной подруги. Вот кого я действительно боюсь потерять – это моего сына. Он, на моё счастье, далек от гонок. Во всем другом – копия своего отца. Тимуру двадцать два года. Он живет самостоятельной жизнью, занимается киберспортом. Сам оплачивает съемное жильё. Живет с девочкой и отказывается нас знакомить.

— Раз ты живёшь с девочкой под одной крышей, у тебя к ней должны быть серьёзные намерения, – пытаюсь увещевать Тимура.

— Какие намерения, мама? Кто-то ведь должен мне готовить и стирать. А начнёт о намерениях заикаться – пойдёт жить в общежитие. Я что с каждой кухаркой должен тебя знакомить?

Мне это больно слышать. Но ещё больнее осознать, что сын знал об отношениях отца с Тamarой и был на его стороне. Вспомнилось, что когда Тамара приходила к нам в гости с Ромкой, Тимур, играя, учил малыша здороваться – стучаться кулаками и кричать: «Привет, братан!» Раньше мне казалось это милой шуткой – пока не узнала, что они братья. Тимур всегда был близок с Женькой. У них были секреты от меня. Вот теперь я узнаю в сыне потребительское и эгоистичное отношение к жизни, воспитанное отцом.

Утром на следующий день, после моего нестандартного приёма на работу, с аккаунта Переверзева пришло сообщение: «Не передумала работать на Воробьева? Ты мне нужна. Жду в одиннадцать на входе в центр. Оденься поприличнее, рабочую одежду возьми с собой. Работаем до упора – завтра гонка». К сообщению прилагалась локация.

У меня ещё была возможность свернуть с этой колеи – просто обидеться и не ехать к Максиму. Но где бы я смогла найти работу? Трудиться официанткой в кафе – это не для меня. После смерти отца механики в спортклубах Раменок передрались, пытаюсь перетянуть меня к себе. Я знала, что моя внешность и необычные для девушки таланты как магнит притягивают мужчин. Поэтому решила сыграть по-крупному и попытаться счастье в Москве. Я поступила в авто-дорожный техникум при МГТУ им. Баумана, сняла квартиру в шаговой доступности и начала искать работу. Деньги, оставленные отцом, стремительно таяли. Средств, получаемых за сдачу в аренду родительской квартиры в Раменках, не хватало, чтобы погасить съём московского жилья.

Быть на побегушках у автомехаников и выполнять несложные ремонтные работы на автомобилях – вот единственное, что я умела делать хорошо. Это то, чем мне нравилось заниматься. Техника, гонки, драйв, витающий в воздухе, были той атмосферой, где мне легко дышалось. Поэтому я наложила макияж на припухшее от слез лицо и поехала в «Крокус Экспо» на встречу с Максимом Переверзевым.

Макс встретил меня на входе и вместо приветствия недовольно проворчал:

— Могла бы и платье надеть.

Не понимаю, чем его не устроил нежно-голубой брючный костюм, под который, следуя указанию одеться по приличнее, я обула туфли на каблучках. Сам он выглядел просто изумительно: в бежевом приталенном костюме, без галстука, в белой расстегнутой почти до пояса рубашке. Видимо, у этих «Москвичей» мода такая – я невольно покосилась на проглядывающую в разрез рубашки накачанную мужскую грудь.

— Что мне нужно делать?

— Стоять рядом, улыбаться, сфотографироваться, сказать что-нибудь умное, если спросят, а лучше молчать.

Макс уверенно двинулся вперед, а я на своих каблучках едва успевала за ним. Очень хотелось покрутить головой. В центре проходила международная выставка гоночной техники. Выставлялись и современные болиды и исторические машины. Краем глаза я заметила выставку автозапчастей и оборудования. На отдельной площадке были представлены тюнингованные автомобили. Переверзев остановился перед красным гоночным болидом, установленным на фоне баннера с улыбающимся Воробьёвым. Здесь нас ждали. Вокруг тут же собрались люди с фотоаппаратами и съёмочными камерами. Выступление Максима было коротким. Я едва привыкла к свету софитов и всполохам вспышек, как он представил меня: «Сегодня со мной Людмила Сажина – лицо нашей гоночной команды. Она не только красивая девушка, но и прекрасный специалист, помощник механика. Будет желание, чтобы такой мастер провёл диагностику, заменил свечи, подкачал шины – прошу к нам в гости».

— Людмила, вы такая юная, как долго вы работаете механиком? – возле моего лица оказался микрофон с логотипом новостного канала.

— Можно сказать, всю жизнь. Я выросла в семье гонщиков и автомехаников. В моём случае практические навыки опережают получение теоретических знаний, но и в этом направлении я прилагаю все усилия.

Нас пригласили на фотосессию. Делали снимки вдвоём с Переверзевым и по отдельности, внутри салона и возле болида. Особенно долго меня крутил фотограф журнала «Автоледи»: опереться на капот, присесть на него, открыть дверь в салон, наклониться, поднять руки и так далее. При этом старался коснуться моей руки или талии. По окончании съёмки протянул мне визитку со словами: «Надоест гайки крутить, приходи, сделаем из тебя модель». Макс терпеливо ждал окончания сессии, что-то просматривал в телефоне и бросал на меня хмурые взгляды.

— Покажи, что тебе этот хлыщ дал, – проронил он, когда мы уходили с площадки.

— Это визитка, – ничего не подозревая, я протянула Максиму карточку. Не замедляя своего стремительного шага, Переверзев разорвал картонку на четыре части и бросил себе за спину. Я только с грустью отметила, как обрывки, трепеща, словно бабочки, падают позади нас. А ведь эта визитка, если бы не моя доверчивость и наивность, могла стать крутым поворотом в моей жизни. В восемнадцать лет мне казалось, что в Москве у меня начинается жизнь открывающихся перспектив, а на деле начался отсчёт упущенных возможностей.

Переверзев подвел меня к черному BMW X5, открыл дверцу:

— Прыгай.

— Ого... Не машина, мечта!

— Пристегнись, взлетаем! Так ты что, юбки принципиально не носишь? – неожиданно спросил он.

— Для чего тебе юбка?

— На ноги твои хочу посмотреть.

— На что там смотреть? На вчерашние синяки? – не подумав, ляпнула я и тут же пожалела – не ожидала, что Макс догадается.

— Ё... Воробей! – неожиданно ругнулся Переверзев и успокаивающе погладил меня по бедру. – Вообще-то, Женька нормальный пацан и гонщик классный, вот только с женщинами у него ...Он любитель грубого секса.

«Зачем он это говорит?» – думала я, чувствуя, как стыдливый румянец заливает не только мои щеки, но и шею и, кажется, даже руки.

Весь оставшийся день мы провели вдвоем в боксе возле красного Женькиного болида. Это был первый этап предстартовой подготовки – технический осмотр перед сдачей судьям. Проверяли клиренс, давление в шинах, работу систем безопасности. Обнаружили сбой в системе и рабочий вечер плавно перешёл в рабочую ночь. Я была на подхвате у Переверзева: подавала ключи, чистые тряпки, следила за давлением. Помимо помощи механику я делала и свою непосредственную работу: готовила чек-листы, заряжала аккумуляторы электроинструмента. Мы прерывались лишь несколько раз: выпить кофе с принесённой доставщиком пиццей и посетить здание картинг-центра – туалет был только там. С учетом того, что прошлая ночь у меня была бессонной – я до утра оплакивала свою девичью непорочность, – в три ночи я просто начала валиться с ног.

— Всё, больше не могу. Немного посплю.

Я прилегла на раскладушку, заботливо поставленную кем-то в углу бокса.

— Эээ, Мила, а как же трах-брейк?

— Не поняла, что?

— Ну, кофе-брейк у нас был, теперь по плану секс-брейк.

— Я сплю, – мгновенно засыпая, я даже не поняла смысла брошенной Максом фразы.

Утром в наш бокс пришли двое пит-стопных механиков. Наша работа с Переверзевым была в основном гаражной, эти ребята обслуживали болид на трассе во время гонки. Пока я прорирала глаза, они молча и деловито выкатили машину из бокса.

— Поезжай-ка ты, подруга, домой. Отдохни. А вечером я заеду за тобой.

И Макс отправил меня попутной машиной в город.

Я вздрогнула от громкого звонка в дверь моей квартиры. Я никого не ждала. На пороге стоял Женька:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.